

Глава 37. В юности с мечом в руке идёшь против несправедливости

— Я не понимаю, — растерянно пробормотал Цзо Юэшэн, глядя на удаляющиеся в тумане фигуры Чжоу Цзыяня и Доудоу. — Разве этот город не тот самый, что когда-то бросил вызов самому клану Тайюй?

Он помнил, как в тот день в таверне в нём закипела кровь.

Тогда там были Цю Бодэн, Лу Цзин и он сам. Они сидели при свете единственной свечи и слушали рассказ не слишком надёжного на вид монаха о прошлом города Жу. О том, как молодой глава клана Тайюй ревел и выл, называя себя будущим Пастырем небес, как хвастался, что мощь Пустого тутовника безгранична, словно море. И о том, как город Жу ответил ему: миллион простых жителей — миллион воинов, весь город облачился в доспехи и взял в руки оружие.

О том, как люди этого города, ничтожные, словно муравьи, в сравнении с заклинателями, в тот миг без колебаний бросились в бой.

Они использовали кухонные ножи, ножницы, собственные зубы — всё это до смешного нелепое оружие.

Самый могущественный из жрецов-оракулов города Жу уже пал, и больше никто не мог противостоять молодому главе клана Тайюй. Тот рубил направо и налево, и вместе с рыбами жу уже прорывался из окружения, как вдруг у самых ворот его встретил луч света от меча, вылетевшего из тени.

Горы трупов, море крови, и в конце — свет меча, озаривший двенадцать континентов.

Какой трагизм, какая ярость.

Как мог такой яростный город, который когда-то смог объединить миллион людей в едином порыве, теперь оказаться в плену холодного дождя, день за днём угасая? Угасая до такой степени, что мужья и жёны в ссорах осыпают друг друга упрёками, полными сожаления; угасая до такой степени, что мужчины в расцвете сил глотают золото, чтобы покончить с собой и накормить своей плотью рыб?

Куда же делся тот самый меч?

— Когда именно город Жу бросил вызов клану Тайюй?

Лоу Цзян внезапно схватил монаха Буду и, почти теряя самообладание, прорычал:

— Говори! Говори!

— Тридцать второй год эры Гуйцзи, второго числа Светлого месяца.

Тридцать второй год эры Гуйцзи, второго числа Светлого месяца. Тридцать два года...

Лоу Цзян отпустил монаха и, пошатнувшись, отступил на шаг. Его охватил ледяной холод. Он помнил эту дату, помнил! Он бесчисленное множество раз изучал жизненный путь другого человека, пытаясь сквозь сухие строки представить его бывшее величие, одновременно завидуя и восхищаясь... Он перечитывал это столько раз, что все цифры вьелись в его память.

В архивах Павильона Гор и Морей было записано: «Тридцать второй год эры Гуйцзи, второго числа Светлого месяца, Чжоу Цзянь вернулся в родные края навестить семью».

Прошло почти сто лет.

Течение времени долго не оставляет следов на заклинателях. Вступив на путь бессмертия и достигнув определённых успехов, они стареют очень медленно. «Юность» и «старость» для заклинателя — понятия совершенно иные, чем для простого смертного. В тридцать втором году эры Гуйцзи Чжоу Цзянь постиг Дао. Лоу Цзян не знал, было ли в нём то же чувство гордости и триумфа, когда он, добившись успеха, возвращался домой.

В тот год ему было шестнадцать.

Спустя сто лет, когда Лоу Цзян снова увидел Чжоу Цзяня, тот всё ещё выглядел молодым. Он даже пытался уйти, пряча лицо, а когда старейшина Тао его отчитывал, вид у него был застенчивый и смущённый. Лоу Цзян столько читал о его блистательной юности, что подсознательно всё ещё считал его тем шестнадцатилетним юношей, который с триумфом вернулся домой. Он не осознавал, что прошло уже сто лет.

Сто лет.

Что же произошло за эти сто лет?

Что превратило гения и город, пылающий яростью, в то, чем они стали теперь?

Лоу Цзян оттолкнул остальных и бросился за Чжоу Цзянем, который уже почти исчез в конце коридора.

— Лоу Цзян! Лоу Цзян!

За спиной кричали Цзо Юэшэн и остальные, но Лоу Цзян ничего не слышал.

Прежде чем призрак Чжоу Цзыяня успел исчезнуть, он схватил молодого оракула за воротник и истерично закричал:

— Что, чёрт возьми, произошло?!

Почему ты стал таким?

Человек, которому он больше всего завидовал и которым больше всего восхищался.

Его пальцы соскользнули с воротника, и Лоу Цзян увлекло какой-то силой в хаос. Когда он снова пришёл в себя, то обнаружил, что стоит на коленях в тускло освещённой комнате. Над головой раздался знакомый старческий голос:

— Цзыянь, ты поступил слишком опрометчиво! Я же дал тебе талисман «Внимающего звуку», почему ты не сообщил мне сначала? В крайнем случае, ты должен был привести его в Павильон Гор и Морей, чтобы мы сами разобрались!

— Но умер бы он тогда?

Лоу Цзян услышал голос Чжоу Цзыяня, подавленный и тихий.

— Если бы я отдал его в руки Павильона Гор и Морей, он бы умер?

Он поднял голову и увидел разгневанного старейшину Тао, знакомого и в то же время чужого.

Старейшина Тао, которого знал Лоу Цзян, был немного беспутным стариком, который целыми днями бродил по павильону и за его пределами, лишённый всякого высокомерия. Однако старейшина Тао из воспоминаний Чжоу Цзыяня выглядел моложе, был более холодным и строгим, не курил и не увлекался изящными искусствами, больше походя на ту легендарную опору Павильона Гор и Морей, что сотни лет защищала Город Бессмертия.

— Учитель, — тихо спросил Чжоу Цзыянь, — Павильон Гор и Морей убил бы его? Он бы умер?

Старейшина Тао молчал, долго не отвечая.

— Он не умер бы!

— Вы бы не убили его!

Лоу Цзян почувствовал, как руки Чжоу Цзыяня, спрятанные в рукавах, дрожат. Он изо всех сил сдерживался, пытаясь сохранить должное уважение к учителю.

— Он — молодой глава клана Тайюй, будущий предводитель Пастырей небес, вы бы не убили его!

— Но что он сказал? Несколько артефактов, несколько десятков тысяч лянов золота — этого достаточно, чтобы заплатить за одну рыбу моего города Жу. Он сказал, что по двадцать лянов за гроб на человека, даже если он перебьёт весь город, два миллиона лянов золота — клан Тайюй может себе это позволить! Он сказал, что это всего лишь рыба!

— Даже если это всего лишь рыба, это та рыба, что защищала мой город Жу тысячи и десятки тысяч лет!

Он стоял на коленях, прямой как струна, но в груди его кипела бесконечная ненависть. Город Жу по сравнению со Ста кланами был как светлячок рядом с солнцем и луной — так мал, так ничтожен. Но и светлячок осмеливается гореть, подобно миллиону жителей города, что без колебаний бросились в бой, подобно шестнадцатилетнему юноше, что с мечом в руках готовился нанести удар, яростный, как дракон.

— ...И зачем тебе нужно было убивать его именно в городе Жу? — сказал старейшина Тао. — Ты ведь мог убить его и за его пределами.

— Учитель, город Жу живёт именно этим духом, — тихо ответил Чжоу Цзыянь.

Духом, который гласит: кто убьёт рыбу в городе, тот умрёт в этом городе.

Рыб жу — миллиарды, но каждая из них поодиночке слаба. Лишь собравшись вместе, они могут осветить горы и реки. Чтобы защитить всех рыб, нужно было сохранить этот дух.

— Сегодня один клан уходит безнаказанным, завтра их будут тысячи! Десятки тысяч! И тогда... города Жу не станет!

Холодный ветер пронёсся по залу. Старейшина Тао тяжело вздохнул и, заложив руки за спину, пошёл прочь.

— Таким образом... ты его не защитишь.

Не защитишь?

Почему не защитишь?

Свет свечи дрогнул, картина сменилась. Лоу Цзян почувствовал, что он — или, вернее, Чжоу Цзянь — снова стоит на коленях на земле и тяжело бьёт поклоны. Он вкладывал в это столько силы, что Лоу Цзян, находящийся в его воспоминаниях, ощутил ту же пронзительную, до глубины души боль.

— Ученик подозревает, что Сто кланов втайне изменяют путь солнца и луны.

— Ученик умоляет Павильон Гор и Морей допросить Пустой тутовник.

С каждым словом — поклон, и в зале стояла мёртвая тишина.

— Цзянь... умоляет владыку павильона и всех старейшин допросить Пустой тутовник и тщательно расследовать дело о небесной колее.

Он поднял голову, его голос был хриплым.

Лоу Цзян увидел владыку павильона, седовласых старейшин, множество строгих и добрых наставников. Чжоу Цзянь смотрел на каждого из них, но они либо отворачивались, либо хмурились, либо качали головами и вздыхали... Никогда ещё ветер в зале не был таким холодным, таким, что кровь и душа леденели.

— Цзянь, — наконец заговорил владыка павильона, его голос был медленным. — Клан Тайюй требовал, чтобы город Жу выдал тебя. Ты знал об этом?

— Ученик знал.

Голова Чжоу Цзяня медленно опустилась.

— Ученик знает, что Павильон Гор и Морей защитил меня.

— Хотя древний договор о небесной власти гласит, что если школы бессмертных усомнятся в пути солнца и луны, они могут допросить Пустой тутовник, с момента заключения договора школы бессмертных допрашивали Пустой тутовник всего трижды. И каждый раз это приводило к кровопролитным войнам между континентами, к гибели бесчисленных живых существ, — владыка павильона говорил веско. — Ты знаешь об этом?

— Цзянь... знает.

— Тогда ты понимаешь?

Лоу Цзян понял.

Понял, почему даже Цзо Юэшэн, молодой господин павильона, не знал, что город Жу когда-то бросил вызов клану Тайюй. Понял, почему после шестнадцати лет о Чжоу Цзыяне не было ни слуху ни духу. Понял, почему в школе столько лет о нём не упоминали.

Потому что это не было чем-то славным.

Школы бессмертных правили двенадцатью континентами, на которых располагались миллионы городов. Города заключали со школами договоры, и потому печати городских оракулов в каждом городе отливались школами соответствующего континента. Города платили дань школам, а школы, в свою очередь, защищали города во время великих бедствий. Кроме того, когда города сталкивались с несправедливостью, с которой не могли справиться в одиночку, они также обращались за помощью к школам, прося их рассудить по справедливости.

Город Жу был одним из таких городов.

Как и другие города области Цин, он подписал договор со школой бессмертных.

Клан Тайюй, пользуясь своей властью и положением среди Ста кланов, изменил путь солнца и луны, из-за чего в городе Жу становилось всё меньше дождей. Путь солнца и луны сам по себе сложен и непредсказуем, и малейшее отклонение на небесах могло привести к переменам жизни и смерти на земле. Клан Тайюй рассчитывал именно на то, что это изменение слишком незначительно, и что при отсутствии общих аномалий в движении небесных тел Павильон Гор и Морей ни за что не захочет допрашивать Пустой тутовник.

Изменение небесной колеи было делом одного клана, но расследование затронуло бы все Сто кланов Пустого тутовника.

С одной стороны — один смертный город, с другой — Сто кланов Пустого тутовника.

Что легче, что тяжелее, как взвесить?

И потому договор мог вызвать лишь вздох сожаления. Справедливость в этом мире в большинстве случаев — лишь пустые слова на бумаге.

Только юность верит в них всерьёз.

— ...Цзыянь понимает.

— Цзыянь не винит. И просит отставки из Павильона Гор и Морей.

Покинуть Павильон, вернуться в город Жу.

— Цзыянь, ты сошёл с ума! — старейшина Тао мёртвой хваткой вцепился в сломанный меч, лезвие которого резало его плоть, и кровь капала на землю. — Что ты наделал! Кто научил тебя этому злomu искусству!

В иллюзорной формации мелькали тысячи радужных всполохов, тысячи огненных потоков. Улицы и дома, нарисованные тушью, рвались на части, сгорали, исчезали и возрождались вновь. В центре этого светопреставления стоял молодой человек с волосами, ставшими седыми, как иней. Он был худ и бледен, словно вся кровь стремительно покидала его тело, превращаясь в бесчисленные алые тени рыб, круживших вокруг него.

Тени рыб выплывали из его груди, из его сердца.

Он стоял там, раскинув руки, ставший гнездом из плоти и крови.

С появлением стаи рыб его аура начала стремительно расти с ужасающей скоростью, становясь небывало опасной. Старейшина Тао, не обращая внимания на опасность, с лицом, до этого застывшим, как железная маска, теперь искажённым отчаянием и страхом, закричал:

— Что ты наделал?!

Городской оракул мог заимствовать силу городского бога через свою печать, это верно. Но то, что происходило с Чжоу Цзыянем сейчас, выходило далеко за рамки этого!

— Учитель, все жители города Жу отмечены чешуёй жизни, — тихо сказал Чжоу Цзыянь. — Вы знаете, что такое чешуя жизни?

— Рыба жу дарует нам частичку своей души. Тот, кто отмечен чешуёй, сам становится плывущей рыбой, и после смерти может, следуя свету чешуи, вернуться в стаю.

— Но и наоборот, человек, если пожелает, тоже может отдать свою жизнь рыбе.

Поэтому жители города глотали золото, чтобы покончить с собой, и кормили рыб своей плотью.

Они называли это «возвращением жизни».

Рыба жу защищает меня, дарует мне алую чешую. Я возвращаю ей свою жизнь.

А он — заклинатель. Он может совершенствоваться. Сотню лет он денно и ночью

совершенствовался, чтобы своим духовным сознанием и силой питать рыб всего города.

— Учитель, я не продержусь долго. Но если я умру, что станет с этим городом? — глаза Чжоу Цзыяня были пусты. — Что станет с рыбами жу?

— Негодяй! — старейшина Тао Жун бросился вперёд, против алого потока. Рыбья чешуя резала его плоть, седые волосы пылали. — Ты можешь убить меня, можешь убить других, но ты не убьёшь старейшину Цю! Всё, что ты делаешь, — напрасно, идиот! Я поговорю со школой Тайи, я спрошу у Ста кланов! Если ты действительно хочешь спасти этот город, выпусти старейшину Цю!

— Я знаю, — тихо сказал Чжоу Цзыянь. — Тот человек сказал, что я не смогу его убить.

— Поэтому он пришёл сам.

Рыбы жу вернули ему его силу, он стал небывало могущественным, но он стремительно старел. Эта старость исходила из самой души, была усталостью и отчаянием. Старейшина Тао наконец понял, что пролегло между ним и его учеником.

Сто лет.

Для бессмертного сто лет — лишь мгновение. Но для смертного — этого достаточно.

Достаточно, чтобы одно поколение сменило другое в смертельной разлуке. Достаточно, чтобы гнев предков стал прошлым. Достаточно, чтобы тоска остудила горячую кровь. Достаточно, чтобы человек в отчаянии пошёл на всё.

— Учитель, — Чжоу Цзыянь бледно улыбнулся, — неблагодарность и предательство... как это взвесить? Кажется, я понял.

Он извлёк из пустоты второй меч и, весь в крови и огне, бросился на старейшину Тао. Свет искажился, мир перевернулся. Он то ли смеялся, то ли плакал. Он запел горестную песню.

— Я ждал солнца и луны, но они не пришли. Что мне делать?!

— Я ждал четырёх ветров, но они не пришли. Что мне делать?!

В юности с мечом в руке идёшь против несправедливости, а теперь склоняешь голову, моля о равновесии.

Что мне делать!

<http://bllate.org/book/16967/1588989>